

В каменной бесединке среди горных круч, скрестив ноги, медитировал юноша в белоснежных одеждах. Лицо его было бледным, лишенным и капли жизни, а тело окутывала плотная белесая дымка. В самом сердце этого тумана мерцала багряная сфера первозданной пилюли. С каждым размеренным вдохом и выдохом дымка таяла, а драгоценная Первозданная пилюля сжималась, отдавая силу. Постепенно на мертвенно-серых щеках юноши проступил едва заметный, живой румянец.

Стоявшая подле него служанка замерла, боясь даже вздохнуть. Она с нескрываемой тревогой всматривалась в лицо юного господина и теперь, видя, как к нему возвращаются силы, не могла сдержать облегченной улыбки.

Снаружи, у самого подножия шумящего водопада, застыл мужчина в бирюзовом одеянии. Погруженный в глубокое созерцание, он сидел с закрытыми глазами. Очертания его лица дышали благородной, чистой красотой, но еще больше поражала исходящая от него величественная аура — легкая, отрешенная, поистине достойная бессмертного небожителя. Бурные потоки воды с грохотом обрушивались совсем рядом, однако ни единая брызга не коснулась его широких рукавов. Присмотревшись, можно было различить едва заметное мерцание прозрачного барьера, мягко отражавшего летящие капли.

Вдруг предгорья содрогнулись от яростного, раскатистого крика, донесшегося с вершины:

— Верни пилюлю! Цуй Чжи!

Цуй Чжи — так звали этого заклинателя в бирюзовом. Однако уже много лет никто в поднебесном мире не смел называть его по имени. Повсюду его величали не иначе как Достопочтенным Данььюанем.

В яростный вопль была вложена вся мощь глубокого совершенствования. От этого звука юноша в беседке вздрогнул, его сосредоточенность пошатнулась, а дыхание сбилось. Стоявшая рядом служанка затрепетала от тревоги: ее молодой господин успел усвоить едва ли половину силы Первозданной пилюли, и сейчас прерывать медитацию было смертельно опасно — все труды пошли бы прахом.

Сердце служанки сжалось от страха. Она то и дело бросала умоляющие взгляды на Достопочтенного Данььюаня. Ведь тот, чья полная ненависти и боли ругань эхом разносилась по ущелью, был не кем иным, как Хэ Сюэчжэнем — законным спутником жизни Цуй Чжи, его супругом на пути самосовершенствования. А заветная первозданная пилюля исстари принадлежала клану матери Сюэчжэня. Вдруг Достопочтенный поддастся былым чувствам, дрогнет сердцем и прикажет вернуть сокровище законному владельцу? Что тогда станет с ее тяжелораненым господином?

Но в этот миг Достопочтенный Данььюань открыл глаза. Сложив пальцы левой руки в успокаивающем жесте, он небрежно взмахнул рукавом. В то же мгновение над долиной раскинулся невидимый купол защитной формации. Он не только заглушил неистовые крики Хэ Сюэчжэня, но и пресек любые попытки пробиться внутрь чужим духовным чутьем, даруя

юноше драгоценное время для поглощения лекарства.

Обезумевший голос Сюэчжэня наконец стих в отдалении.

Служанка облегченно выдохнула, а юноша вновь погрузился в созерцание, крупца за крупцей впитывая остатки духовной силы пилюли.

Цуй Чжи поднялся со своего места у воды. Бесшумно скользнув в беседку, он мягко обхватил запястье юноши, проверяя течение его меридианов. Результат превзошел ожидания: застарелые раны полностью затянулись, а духовные силы юноши совершили качественный прорыв, поднявшись на новую ступень.

— Эта первозданная пилюля — и впрямь бесценное сокровище, — тихо улыбнулся Фань Сюэпин, открывая глаза. — Вот только... боюсь, старший брат Сюэчжэнь этого так не оставит и придет требовать ответа.

Прежде чем Цуй Чжи успел ответить, служанка пылко вмешалась:

— Молодой господин, да этот Хэ Сюэчжэнь сам же вас и покалечил! Вполне справедливо, что он поплатился своей пилюлей ради вашего исцеления! Вы вечно со своей добротой... ни за что не боретесь, уступаете, вот негодяи и садятся вам на шею!

Фань Сюэпину пришлось по душе эти слова, хотя он и сделал вид, что смущен. Чуть прикусив губу, он промолчал, лишь украдкой бросив взгляд на Цуй Чжи, ловя его реакцию.

Лицо Достопочтенного оставалось бесстрастным, однако теперь, когда он смотрел открыто, его облик казался еще более притягательным, чем во время медитации. Необычайно глубокие, лучистые глаза придавали его лицу пленительную, почти гипнотическую красоту. И Фань Сюэпин, сколько бы ни общался с ним прежде, вновь почувствовал, как сладко замирает сердце от одного лишь взгляда на этого человека.

Цуй Чжи был поистине безупречен. Неудивительно, что в свое время Хэ Сюэчжэнь влюбился в него без памяти и пошел на все, лишь бы связать с ним судьбу священными узами.

Внезапно яростный крик ворвался обратно в долину, неумолимо приближаясь:

— Цуй Чжи! Фань Сюэпин! Паршивые твари... А ну выметайтесь наружу!

Звук пронзил защитный купол, и мгновение спустя над ущельем возник силуэт Хэ Сюэчжэня. Он стоял совсем один: волосы растрепались, заколка съехала набок, покрасневшие глаза лихорадочно блестели — весь его вид граничил с безумием. Заметив стоявших плечом к плечу Цуй Чжи и Фань Сюэпина, он камнем ринулся вниз и, едва коснувшись земли, иступленно закричал:

— Где пилюля?! Живо верните ее мне!

Фань Сюэпин испуганно побледнел. Поспешно оправив подол халата, он склонился в чинном поклоне:

— Старший брат Сюэчжэнь, рад видеть тебя в добром здравии.

— Избавь меня от своего притворства, — ледяным тоном оборвал его Сюэчжэнь. — С души воротит от одного твоего вида!

Фань Сюэпин вновь вздрогнул, будто от удара, но в глубине души ликовал. Чем сильнее исходил злобой и терял лицо этот безумец, тем слаще была победа.

Стоявшая рядом служанка так и вспыхнула от ярости:

— Слышь ты, Хэ! И это говорит преемник великого ордена? Никакого стыда и совести! Мало того, что покалечил моего господина и даже не соизволил извиниться, так еще и лаешься, как дворовый пес! Сразу видно: тебя только родили, а воспитать позабыли!

Эти слова ударили по самому больному. Глаза Сюэчжэня вспыхнули опасным багрянцем, и он зловеще рассмеялся:

— Жалкая пернатая тварь! Как ты смеешь открывать свою пасть передо мной?!

С этими словами он вскинул руку, посылая мощный поток духовной энергии прямо в воробьиного демона. Фань Сюэпин испуганно заслонил служанку собой, подставляясь под смертоносный удар. Но прежде чем карающая ладонь настигла цель, Цуй Чжи сделал легкий шаг вперед. В одно мгновение он заслонил собой обоих и без малейшего усилия развеял яростную атаку.

Сюэчжэнь замер, глядя на Цуй Чжи. В его глазах отразилась глубокая, невыносимая горечь. Человек, который сейчас так бережно закрывал собой другого, был его законным спутником, с которым они делили горе и радость больше сотни лет.

И именно он безжалостно забрал его единственную спасительную пилюлю, чтобы отдать чужаку. Он же безучастно молчал, пока жалкая служанка поливала его грязью, втоптывая в землю остатки его гордости и глумясь над памятью о покойной матери.

Грудь Сюэчжэня разрывало от ярости и глухого отчаяния. Он чувствовал себя тонущим в ледяной бездне, где не хватало воздуха, но вопреки всему пытался ухватиться за последнюю соломинку, протягивая руку к ускользающему спасению:

— Цуй Чжи, верни мне пилюлю. И я забуду все, что здесь произошло.

Эта Первозданная пилюля была не просто реликвией его материнского клана — она служила ему единственным средством выживания. Мать Сюэчжэня, будучи беременной, подверглась нападению демонов, из-за чего он родился с неизлечимым ядом в крови. Лишь раз в десять лет, поглощая силу Первозданной пилюли, он мог сдерживать смертоносную отраву. Срок подошел именно сейчас, но, когда он пришел за пилюлей, ларец оказался пуст. У него оставалось всего три дня. Если за это время он не примет лекарство, демонический яд вырвется наружу и разорвет его тело изнутри.

Цуй Чжи взглянул на него со все тем же ледяным спокойствием:

— К чему этот гнев? Тебе эта пилюля все равно без надобности.

— Цуй Чжи! — Сюэчжэнь вперился в него безумным взглядом. — Это наследство моей покойной матери! И даже если бы я швырнул ее в грязь или растоптал ради забавы, никто не смел бы пикнуть! Какое право ты имел распоряжаться моими вещами и отдавать их этой швали?!

Тут из-за спины Фань Сюэпина вновь высунулась служанка:

— Да поздно уже! Мой молодой господин давно выпит всю силу пилюли до последней капли!

Эти слова обрушились на Сюэчжэня подобно удару грома. Земля ушла у него из-под ног. Пилюля уничтожена... Больше ее нет. Неужели это действительно конец? Неужели он обречен на мучительную смерть?

Глаза Сюэчжэня налились кровью. Он перевел потемневший взгляд на мужа:

— То, что она говорит... правда?

Цуй Чжи коротко кивнул:

— Раны Сюэпина могла залечить только Первозданная пилюля. Если тебе нужно что-то взамен, назови — я добуду для тебя любое другое сокровище.

Горячая кровь хлынула к голове Сюэчжэня, в ушах невыносимо зазвенело, а перед глазами поплыли темные круги — от безумной ярости у него перехватило дыхание. Он уставился на Фань Сюэпина. Этот трусливый ублюдок с самого первого дня в ордене строил ему козни за спиной. Тогда Сюэчжэнь лишь благодушно отмахивался, прощая младшему брату его дерзости. Лишь после кончины матери, когда отец официально ввел Фань Сюэпина в клан и заставил признать его происхождение, перед Сюэчжэнем открылась вся омерзительная правда.

Но куда более невыносимым было осознание того, что сто лет его преданности и любви к Цуй Чжи не стоили и ломаного гроша перед мимолетной прихотью Фань Сюэпина.

— Раз уж ты сожрал мою пилюлю, то заплатишь за нее собственной жизнью! — Сюэчжэнь перевел безумный, пылающий неприкрытой ненавистью взгляд на Фань Сюэпина.

Вскинув руку, он мгновенно сплел сложную печать. Колоссальная духовная энергия хлынула наружу, вздымая ураганный ветер; длинные волосы разметались по плечам, а широкие одежды яростно захлопали на ветру.

Фань Сюэпин, содрогнувшись под этим диким, хищным взглядом, попятился назад. Служанка под воздействием ужасающей ауры задрожала всем телом и испуганно прижалась к своему господину.

Цуй Чжи, однако, даже не дрогнул. Ощувив ярость супруга, он лишь прищурился, и в его глазах вспыхнул азарт битвы. Легким движением руки он призвал свой духовный меч.

Завершив плетение заклинания, Сюэчжэнь сорвался с места, целясь прямо в сердце Фань Сюэпина.

— Глупец, — безучастно обронил Цуй Чжи.

Взрыв в воздух, он преградил путь нападающему, и их клинки сошлись со страшным скрежетом. Заклинатели сошлись в яростной схватке прямо в небесах. Оставшаяся на земле служанка, затаив дыхание, наблюдала за полетом искр и с восторгом прошептала:

— Сила Достопочтенного действительно не знает равных! Молодой господин, как же сильно он вас оберегает!

Цуй Чжи обладал божественной красотой и недостижимым могуществом. Пусть его нрав и отличался холодностью, к Фань Сюэпину он всегда выказывал особое, ни с чем не сравнимое отношение. Разве мог кто-то устоять перед такой заботой? Служанка Линьюй уже давно тайно изнывала от зависти. Она знала, что Достопочтенный так добр к ее хозяину лишь потому, что считал его своим давним спасителем. О, если бы на месте Фань Сюэпина тогда оказалась она!

Сюэчжэнь, отброшенный очередным ударом назад, тяжело опустился на землю. Услышав слова девчонки, он горько усмехнулся:

— Твоя девка права, Цуй Чжи. Должно быть, именно этот ублюдок — твоя истинная судьба. А я для тебя всего лишь кровный враг.

Вечное, невозмутимое спокойствие наконец сошло с лица Достопочтенного. Он нахмурился, собираясь возразить, но Сюэчжэнь уже мчался на него. Сгустив остатки духовных сил в

сияющий клинок, он шел напролом, и в его глазах читалась пугающая решимость пойти до самого конца.

Цуй Чжи резко переменился в лице:

— Что ты творишь?!

Но было слишком поздно. Сюэчжэнь не собирался останавливаться.

Две титанические силы столкнулись на полной скорости. Небосвод содрогнулся, окрестные горы затряслись, а солнечный свет померк, уступая место безумному буйству освобожденной энергии. Будучи спутником Достопочтенного, Сюэчжэнь и сам обладал выдающимся даром. Теперь же, когда он вложил в удар всю свою жизнь без остатка, их силы на краткий миг сравнялись. Столкновение двух столь могущественных практиков грозило разнести все ущелье в мелкую пыль.

И именно этого он и желал.

Его натура не терпела полумер: если любить — то без остатка, если ненавидеть — то мстить до последнего вздоха, утаскивая обидчиков за собой в могилу!

Вся вековая боль, унижения и слепая обида, что копились в нем долгие годы, разом вырвались наружу. Хэ Сюэчжэнь жаждал лишь одного — разорвать эти путы, пусть даже ценой собственной жизни, и утянуть за собой и Цуй Чжи, и его драгоценного Фань Сюэпина!

Грохот взрыва и завывания ветра постепенно утихли, оставив после себя лишь безмолвную, выжженную дотла пустошь...

Хэ Сюэчжэнь резко сел. Каждый сустав его тела ломило от тупой, изнуряющей боли, какая бывает лишь после сурового наказания.

Он растерянно огляделся по сторонам. Знакомые очертания комнаты медленно, клочок за клочком, воскрешали в памяти давно забытые события.

Эта ломота во всем теле... Ах да, теперь он вспомнил.

Во время своего затянувшегося на сотню жизней земного изгнания он однажды переродился учеником одного из орденов праведного пути. Отправившись на ночную охоту, он не сумел уберечь младших соучеников от когтей чудовищ. По возвращении глава ордена подверг его жестокому наказанию плетью.

Тот глава был его родным отцом. Высекши собственного первенца, почтенный Хэ Чуншань заслужил восторженные похвалы старейшин и учеников, прославив человеком беспристрастным, не знающим снисхождения к родной крови.

Лишь годы спустя Сюэчжэнь узнал горькую правду: отец пришел в бешенство вовсе не из-за нарушения дисциплины. Он мстил ему за раны своего незаконнорожденного любимца — Фань Сюэпина.

Того самого бастарда, которого Хэ Чуншань тайно пристроил в орден под видом сироты.

В своей истинной сути Хэ Сюэчжэнь являлся бессмертным духом из высших сфер, некогда надзиравшим за движением облаков в небесных чертогах. Ослепленный безответной страстью к Небесному императору Тайбай Ину, он был низвергнут в мир смертных, обреченный познать сто перерождений, полных безответной любви и душевных терзаний. Лишь пройдя этот круг очищения и познав истину тао-лунь — путь полного отрешения от мирских чувств, — он мог вернуть себе божественный статус. Все сто жизней остались позади. Но чтобы завершить испытание, ему требовалось постичь великое искусство бесстрастия.

Ему предстояло пройти через те же испытания вновь, но на этот раз — с холодным, ничем не возмутимым разумом. Только когда его сердце останется глухо к былым привязанностям, его путь увенчается успехом.

«Отрешение?»

В полумраке опочивальни глаза Сюэчжэня блеснули холодной, острой сталью.

После стольких веков мучений и предательств от былой любви не могло остаться даже пепла. Тайбай Ин когда-то звался его старшим соучеником, но без колебаний растоптал дружбу детских лет и связи соученичества. Он сослал его пасти облака, подверг публичному позору, а затем обрек на бесконечный круг земных страданий.

Теперь в его груди к этому величественному божеству не осталось ничего, кроме звенящей пустоты.

А раз так, то план на эту жизнь созрел сам собой.

В этот момент из-за дверей донесся яростный женский голос:

— Хэ Чуншань, паршивый пес! Строит из себя оплот справедливости... Да он просто высек моего Чжэнь-эра, чтобы выслужиться перед старейшинами и набить себе цену!

Сюэчжэнь вздрогнул, и на душе у него потеплело. В этой фальшивой, жестокой жизни лишь единицы дарили ему искреннее тепло. И женщина, бушевавшая сейчас за порогом, была

первой среди них.

Осыпая мужа проклятиями, она вовремя вспомнила, что сыну нужен покой. Оборвав тираду на полуслове, она убрала духовное чутье и осторожно приоткрыла дверь. Увидев, что Сюэчжэнь бодрствует, женщина поспешно вошла внутрь, и ее грозное лицо мгновенно озарилось ласковой улыбкой:

— Чжэнь-эр, как ты себя чувствуешь? Почему не лежишь? Тебе ведь нужен покой!

— Матушка, — со вздохом покачал головой Сюэчжэнь. — Ты так честишь отца при слугах, совсем не заботясь о его репутации. Не боишься, что он затаит на тебя злобу?

Перед ним стояла его мать — почтенная Чжао Чжэньчжэнь, более известная в поднебесной как Истинный человек Паньюнь.

— Да пусть только попробует! — презрительно фыркнула она.

Школа Наполненных Созвездий входила в число величайших орденов праведного пути. И Хэ Чуншань сумел обойти прочих претендентов и занять кресло главы лишь благодаря колоссальной поддержке влиятельного клана своей супруги. Именно поэтому Чжао Чжэньчжэнь никогда не сомневалась в верности и покорности мужа.

«Глупая, доверчивая матушка...» — с тоской подумал Сюэчжэнь.

«Этот человек не просто затаил злобу — он уже давно завел любовницу на стороне и вырастил бастарда. Пройдет немного времени, и он погубит моих дядей, сведет с ума дедушку, а затем лишит жизни и тебя саму. Тот, кто спит на твоём ложе — неверный, неблагодарный пес...»

Тем временем Чжао Чжэньчжэнь уже хлопотала у постели, доставая из рукава один флакон за другим:

— Гляди, Чжэнь-эр. Вот это снадобье сварил твой дедушка, это передал твой старший дядя, а это — прислал младший...

— Матушка, раны пустяковые, заживут, — мягко прервал ее Сюэчжэнь. — У меня есть к тебе одна очень важная просьба.

Даже не повернув головы, она бережно откупорила один из сосудов, проверяя аромат целебной мази:

— Говори, дитя мое. Если захочешь достать луну с небес, твоя мать найдет способ сделать это для тебя.

— Я хочу расторгнуть помолвку, — твердо произнес Сюэчжэнь.

Рука Чжао Чжэньчжэнь замерла. Она медленно подняла взгляд на сына.

<http://bllate.org/book/18268/1750891>